

Работе Д. Оболенского, профессора русской и балканской истории в Оксфорде, свойственна несколько необычная постановка вопроса. По мнению автора, между Византией и рядом стран Восточной Европы существовали определенные политические, экономические, культурные и религиозные связи, которые определялись не только конкретно-историческими интересами, действовавшими в данный момент, но более глубоким и более общим принципом. Этот принцип Оболенский характеризует словом Commonwealth, «содружество», и сближает его с римским понятием foederatio, «союзное государство». Этот принцип, полагает Оболенский, отличался от западной средневековой идеи вассальных связей, как и от современных нам представлений о зависимости государств. Византийское содружество государств Оболенский понимает как «сверхнациональную общность», основанную прежде всего, хотя и не исключительно, на единстве православной веры (стр. 277).

Книга как раз и посвящена становлению, истории и структуре византийско-восточноевропейского содружества государств на протяжении тысячелетнего периода его существования.

Отличительной чертой книги является прежде всего ее интерес к географическому облику исследуемого ареала. Это проявляется не только в наличии особой главы «Географическая обстановка» (стр. 5—41), но и в том, что Оболенский в дальнейшем неоднократно возвращается к рассмотрению той системы морских и речных путей, долин и горных проходов, которая составляла, так сказать, материальную базу политического и культурного общения входивших в содружество стран. Другая особенность работы — рассмотрение отдельных событий и фактов в широком историческом контексте, охватывающем не только совокупную историю «Византийского содружества», но и историю других народов и стран. Взятые в таком широком контексте отдельные явления из сферы славяно-византийских отношений предстают закономерным звеном в общем процессе исторического развития. Например, аваро-славянское завоевание Балканского полуострова, по мысли Оболенского, лишает Византию Иллирика, области, дававшей на протяжении ряда столетий лучшие контингенты войск, и заставляет ориентироваться на Кавказские области, и прежде всего на Армению; колоссальная роль армян (начиная с VI в.) в византийской армии и государственном аппарате явилась, таким образом, «косвенным результатом славянского вторжения».

Другим результатом этого вторжения было взаимное отчуждение западных и восточных областей Римской империи, поскольку славяне как раз заняли провинции, составляющие «мост» между Византией и Западом (стр. 58). Стремление католической церкви в первой половине XIII в. распространить свое влияние на славянские земли приобретает в изображении Оболенского особую четкость именно потому, что он рассматривает в совокупности тенденции папства к подчинению Болгарии, Сербии и Галицкой Руси, увязывая это как с политическим разгромом Константинополя, так и с монгольским завоеванием Восточной Европы; вместе с тем он отмечает те уступки, которые Константинопольское патриаршество должно было сделать всем славянским церквям (стр. 237—243).

Наконец, характерной особенностью книги является стремление отметить сложность и противоречивость действительности — Оболенский даже говорит иной раз о «парадоксальности» (см., например, стр. 104). Самое отношение периферийных стран содружества к его центру и к созданной в центре культуре осмыслиется как противоречивое и парадоксальное, ибо активное усвоение греческого влияния сочетается с сопротивлением этому влиянию, а усиление политического самосознания сплошь и рядом облачается в форму «византинизации» политического устройства и культурной жизни; Оболенский отмечает это явление как для Болгарии начала X в. (стр. 114 и сл.), так и для Сербии в конце XIII столетия (стр. 251 и сл.).

Первые главы книги рассматривают становление «Византийского содружества». Основными этапами этого процесса были варварское (прежде всего славянское) завоевание Балканского полуострова, приведшее к тому, что Византия удерживала здесь лишь узкую прибрежную полосу (стр. 55); византийская реконкиста, начинающаяся с середины IX в., которую автор связывает с экономическим и культурным подъемом империи (стр. 69); кризис византийского «империализма», преодоленный на рубеже X и XI вв., когда балканские славяне оказываются в своем большинстве инкорпорированными Византией (стр. 133).

Следующие главы рассматривают распространение содружества на страны, удаленные от византийских границ, а именно на Моравию, Венгрию, причерноморские степи и на Русь. При этом Оболенский подчеркивает, что византийцы рассматривали крещение Владимира как значительный успех, и считает, что Владимир признал за императором «основанную на божественном праве метаполитическую юрисдикцию над Русью» (стр. 201).

От конкретного и фрагментарного рассмотрения истории становления «Византийского содружества» в VI—X вв. Оболенский стремится перейти, как он прямо пишет, к глобальному и синопическому (стр. 203). Названия глав во второй половине книги («Связи внутри содружества», «Факторы культурной диффузии» и т. п.) как будто

подтверждают наличие этой тенденции. Однако тенденция остается осуществленной не до конца, и главы эти, как правило, распадаются на параграфы, посвященные или отдельным странам (для нашего читателя особый интерес представляют параграфы, касающиеся русско-византийских отношений в XI—XII и в XIII—XV вв.), или отдельным сторонам религиозных и культурных взаимосвязей (монашество, культ святых князей, каноническое и светское право, литература, изобразительное искусство). Во всех этих главах много интересных частных наблюдений, но, как ни странно, в книге нет специальной главы о структуре и природе «Византийского содружества», нет, собственно говоря, целостной характеристики этого существенного понятия, введенного автором.

Но прежде чем коснуться понятия «Византийское содружество», мне хотелось бы обратить внимание на то, что Оболенский предлагает чересчур ограниченное толкование его географических рамок. В самом деле, содружество не ограничивалось только Балканами, северным побережьем Дуная и Северным Причерноморьем, но включало в себя Италию, Кавказ и Приевфратье, не говоря уже о тех этнических группах, которые размещались на собственно византийской территории. Пренебрежение западными и восточными границами Византии дает себя знать уже в главе «Географическая обстановка», где нет не только Италии, но и Малой Азии, т. е. основного ядра империи. Расширение рамок имело бы двойного рода последствия: во-первых, еще отчетливее можно было бы видеть, что состав содружества не носил исключительно греко-славянского характера; во-вторых, в рамках содружества могли найти место не только «православные» страны, но и те, где вероисповедание носило иные оттенки (монофиситы или сторонники западной церкви). Тем самым развиваемый Оболенским тезис о православии как идеологическом стержне содружества оказывается небесспорным.

На чем же в таком случае зиждилась византийская *foederatio*? Не следует ли предположить, что в ее основе лежало противоречивое стремление средневекового общества к натуральному самоограничению и к универсализму, к «вселенности»? Средневековые государства при всей их тенденции к экономической, политической и культурной автаркии (и, может быть, в возмещение этой тенденции) не переставали ощущать себя звеньями в системе универсальной империи. Эта идейно-политическая действительность средневековья, даже оформляемая в терминах зависимости, не имела ничего общего с реальной зависимостью. Иерархия «Византийского содружества» была скорее фактором самосознания, нежели политического подчинения, фактором объединения, а не унижения. Такая иерархия прослеживается и на Кавказе, и в Италии.

Кроме того, следует учитывать размытость средневековых границ, наличие широкой приграничной полосы, «ничьих земель», возможность фактического служения двум государствам, что еще более осложняло картину средневекового содружества стран.

Носителем принципа универсализма была в раннесредневековой Западной Европе церковь (папство), в Византии же — императорская власть. Собранный Оболенским материал показывает, как к XIV в. положение здесь меняется и патриаршество в большей мере, нежели василевс, становится проводником универсалистской идеи и оплотом содружества. Может быть, это обстоятельство следовало бы подчеркнуть в книге с большей определенностью.

А. К.

A. Guillou, *Studies on Byzantine Italy*.
London, 1970

Книга представляет собой сборник статей известного французского византиниста А. Гийу.

До сих пор византийская история остается, как правило, историей Константинополя и константинопольского двора. Отсутствие источников делает почти невозможным изучение византийской провинции. Многолетние исследования Гийу в Италии, позволившие ему опубликовать ряд новых памятников¹, пробивают брешь в традиционном подходе и освещают жизнь одной из удаленных от центра областей. При этом следует отметить одно обстоятельство: история византийской Италии, когда она затрагивалась предшественниками Гийу, изучалась в следующих аспектах: внешняя политика, административная история, монашество и изобразительное искусство. Значение трудов Гийу состоит в том, что он стремится восстановить социально-культурный облик византийской Италии, что он изучает общественные отношения в византийской провинции.

Публикуемые статьи распределяются на две неравные группы. Две работы посвящены ранневизантийскому периоду: «Экзархат и Пентаполь, психологический очерк

¹ См. аннотации: ВВ, XXVIII, 1968, стр. 291—292; ВР, 32, 1971, стр. 257.